

*Кодис О. С.
г. Москва, Россия*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Набирающий силу процесс глобализации непосредственным образом вторгается в сферу деятельности национальных государств. Это воздействие имеет двоякое проявление. С одной стороны, оно ставит под сомнение дальнейшее существование государства как национального объединения, а с другой – стимулирует рост его противодействия глобализаторским устремлениям. В связи с этим высказываются мнения как о грядущем «сетевом обществе», «глобальной империи», «глобальной демократии», так и об еще большем укреплении национального государства и всплеске его активности по всем направлениям. Сейчас уже можно констатировать, что глобализация не принесла с собой ни согласия, ни глобального порядка. По мнению З.Баумана, локальные действия имеют глобальные последствия, но средства для осуществления глобального регулирования отсутствуют [1]. Будущее национального государства находится в пространстве неопределенности.

В целом, в дискурсе о глобализации можно выделить три направления: «гиперглобалисты», «скептики» и «трансформисты».

Гиперглобалисты (П. Дракер, К. Омаэ, Д. Сорос, Р. Райх и др.) основу взглядов которых составляет неолиберальная идеология, считают, что возникновение глобальной экономики, зарождение всемирных институтов управления и повсеместные слияния культур предвещают конец национального государства [2]. Для них государство всего лишь неэффективный менеджер. Эффективность в их понимании – это снижение затрат, т.е. социальных издержек. Новый мировой порядок, с их точки зрения, должен обеспечить транснациональные корпорации, которые вытеснят со сцены современные государства [3].

Скептики – напротив, понимают глобализацию как интеграцию мировой экономики, т.е. усиление взаимодействия между государственными экономиками. Государственные институты, с их точки зрения, являются не «жертвами» интернационализации, а ее творцами [4].

Т.е., если гиперглобалисты считают основными акторами глобальной экономики транснациональные и субнациональные организации и институты, то скептики – национальное государство.

Трансформисты, представители третьего направления, рассматривают глобализацию как абсолютно новый феномен. Она, по их мнению, представляет собой движущую силу всех современных изменений, в ходе которых осуществляется трансформация экономических и социально-политических границ. Так, Э. Гидденс полагает, что современное государство, будучи теснейшим образом связанным с региональными и транснациональными политическими и экономическими группировками и корпорациями, теряет статус своих границ как жестких демаркационных линий. Эти границы скорее можно сравнить с «фронтами», отодвигаемыми по мере добровольного делегирования правительствами части полномочий в пользу наднациональных институтов и организаций [5].

В целом можно отметить, что вышеперечисленные направления гиперглобалистов, скептиков и трансформистов отражают собой позиции неолиберального, консервативного, неомарксистского и социал-реформистского мышления.

В частности, консерваторы (С. Хантингтон) утверждают, что национальные государства были, есть и будут, а глобальные и макрорегиональные институты являются просто инструментами государственной дипломатии [6].

В свою очередь, представители неолиберального подхода выступают против сохранения суверенитета национального государства в его теперешнем виде и намечают для государства перспективу стать местными органами глобальной системы. Так, по мнению П. Дракера, национальное государство – отжившая форма, которая годилась для индустриального общества, но неприемлема для постиндустриального, ибо в нем формирование управленческих институтов глобализации будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе [7].

Социал-реформистская политическая мысль уверена, что государство продолжает оставаться единственным источником легитимности и осуждает на этом основании глобалистскую риторику освобождения экономики от политики. Так, П. Хирст и Г. Томпсон подчеркивают, что само по себе государство как институт ослабло в силу недостаточной степени культурной гомогенности населения, которая раньше обеспечивалась посредством системы образования, военной службы и других рычагов, поэтому необходимо искать новые возможности по управлению системой межэтнических отношений. Но это не свидетельствует о конце национального государства, поскольку оно остается главным представителем сформированных наций [8].

Неомарксисты, представленные, в основном, анти и альтерглобалистами, выступают в защиту национального государства, т.к. не видят иных средств противостояния неолиберальной идеологии. В частности, С. Амин пишет, что глобализация реализуется в разрушительной работе против национальностей и государства, поэтому защита социальных ценностей и борьба за демократию означает усиление самостоятельности государств [9]. Справедливости ради, следует отметить, что далеко не все неомарксисты убеждены, что национальное государство способно эффективно противостоять транснациональным монополиям. Так, М. Савас Мастас отмечает, что национальные правительства создали финансовому капиталу возможности для действий на международной арене в надежде укрепить позиции своей страны в мировой экономике. М. Савас Мастас утверждает, что национальное государство и его противник – глобализация «взаимно поддерживают кризис, но они не могут ликвидировать друг друга в рамках структуры капитализма» [10].

Таким образом, мы видим, что вышеприведенные (наиболее распространенные) точки зрения на глобализацию и ее воздействие на национальное государство можно свести к двум основным парадигмам: структурно-функциональному анализу и марксистской традиции.

В то же время, если посмотреть на данное явление шире, с позиции социальной философии или даже философии истории, то феномен глобализации определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения исторических событий в контексте диалектики Бытия и Сознания. Т.е. не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов, но и как сопутствующий этому процесс организации внешнего и внутреннего социального пространства, совместной жизни интегрируемых в социумы (роды, племена, этносы, нации) индивидов.

Выделение человека из природы было обусловлено не только изменением способов производства материальных благ, но и трансформацией духовных практических форм производства и социальной жизни. Дальнейшая трансформация социальных целостностей во все более крупные общества и их союзы была связана с расширением поля коммуникации между отличными друг от друга социумами, становлением и развитием письменности, универсальных форм мышления и т.п. Какое-то время, на заре человечества мир был един. Возможно, именно это способствовало становлению мировых религий и культур (буддизм и джайнизм в Индии, зороастризм в Иране, конфуци-

анство и даосизм в Китае), опирающихся на общие универсальные для всего человечества принципы сосуществования. Этот период (между 8–3 вв. до н.э.) называют Осевым временем. Универсализм Осевого времени способствовал организации общего экономического и политического пространства, совместной жизни населяющих обширные территории людей. Так возникли сначала ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства [11].

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием интеграции внутри и между большими и малыми традиционно и политически организованными культурными социумами. Глобализация есть движение от первобытных и постпервобытных обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, к средневековым этническим государствам и империям, а от них – к всемирной истории наций, национальных государств и колониальных империй. Т.е. всемирная история – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб. «Волны глобализации» охватывали собой определенную территорию и приводили к объединению народов и этносов. Формировались нации, государства, империи. При этом вне зависимости от того, понимаем ли мы, к примеру, нацию как преимущественно социокультурную или политическую общность, она, в противовес общности этнической (локальной) представляет собой нечто большее, в одно и то же время и глобальное, и локальное. Политической формой существования нации, распространенной в пределах нескольких географических регионов была империя. Начиная с 16 в. глобализационный порыв крупнейших кочевых и аграрно-ремесленных империй Центральной и Юго-Восточной Азии (Китай и Индия) иссяк. В этих условиях роль интегратора взяла на себя группа ведущих европейских государств. Под их началом глобализация последующие 4 века шла рука об руку с капитализмом. За относительно малый срок европейца удалось поставить под контроль значительную часть мира. Однако попытки построения наций за пределами европейских национальных государств и европеизации «аборигенов» успеха не имели. Так появились Центр и Периферия. «Центр» представляет собой страны большой «семерки», а «Периферия» – государства «второго», «третьего», «четвертого» миров, которые образовались после распада мировой колониальной системы и мировой системы социализма.

По мнению О. де Риверо, отдельные развивающиеся страны периферии, следует квалифицировать как «квазигосударства», поскольку становление государств в этих регионах предшествовало образованию нации [12]. В свою очередь, Р. Харви называет эти государства «псевдоимпериями», поскольку в них идет борьба между отдельными народностями за власть, и предлагает «западной цивилизации» установить контроль над мировой периферией [13].

Такого же мнения придерживаются В. А. Иноземцев и С. А. Караганов, считающие необходимым осуществить реколонизацию «несостоявшихся государств» [14].

Интеграция этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое – характерная интенция современной глобализации. Однако шансы «на равных» войти в глобализационный процесс у мировой периферии различны. Обсуждая этот вопрос, многие исследователи связывают перспективы государств периферии с определенными мерами: концентрация ресурсов на передовых направлениях НТП; формирование «правовой базы» глобализации для установления действительного равноправия для всех участников глобализационного процесса; сокращение потребностей стран – лидеров в дешевой рабочей силе; отказ слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международно-

го неолиберализма; признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся на собственные социокультурные традиции и ресурсы и т.п. Ключевым моментом национальных стратегий является разумное сочетание западных и национальных форм модернизации. Примеры успешного встраивания в глобализационный процесс являют собой ряд стран бывшей периферии и полупериферии: Япония, страны Юго-Восточной Азии, Китай, арабские монархии и др. Успех или неуспех на этом пути во многом зависит от действий руководства национальных государств, их воли, желания и решительности.

Список литературы: 1. См.: Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. С. 55. 2. См.: Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э. Глобальные трансформации. М., 2004. С. 5. 3. См.: Лукашук И. И. Глобализация и государство. // Ж-л российского права. 2001. № 4. С. 67. 4. См.: Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб., 2007. С. 134. 5. См.: Гидденс Э. Навстречу глобальному веку. // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 436. 6. См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2001. 7. См.: Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 67–101. 8. См.: Хирст П., Томпсон Дж. Глобализация и будущее национального государства // Глобализация. Контуры 21 в. М., 2004. Ч. 1. С. 200–210. 9. См.: Амин С. Пять тезисов // Антиглобализм: новые повороты. М., 2005. С. 210. 10. Савас Мастас М. Глобализация как переход к социализму // Альтернативы. 2000. № 3. С. 14–15. 11. См.: Гринин Л. Е. Аналоги раннего государства: Альтернативные пути эволюции // Личность. Культура. Общество. 2007. Выпуск 1. 12. См.: Rivero O de The Myth of Development. L.N.Y. 2001. P. 23–25. 13. См.: Harvey R. Global Disorder. L. 2003. P. 302–359. 14. См.: Иноземцев В. Л., Караганов С. А. Омировом порядке XXI в. // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 10.

*Мухина И. Г.
г. Харьков, Украина*

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

После распада Советского Союза на его территории образовалось постсоветское пространство, в котором началось формирование национальных государств. Этот процесс оказался очень болезненным, так как кроме прерванных экономических и политических связей, возникла некая временная обособленность в социально-культурных и межнациональных отношениях. Постепенно бывшие союзные республики осознали необходимость поиска путей для возобновления прерванных связей и их усовершенствования в новых реалиях. На территориях практически всех постсоветских государств возникла проблема создания как национального, так и общего культурно-образовательного пространства, посредством которого можно найти консенсус между представителями многих национальных групп, которые оказались гражданами новых национальных держав, наладить экономические, политические и культурные связи.

Прежде чем говорить о причинах обострения межнациональных отношений, являющихся в настоящее время одним из главных источников социальной напряженности на постсоветском пространстве, закономерно поставить вопрос о том, что в дейст-